ДЖОРДЖ ГОРДОН

БАЙРОН

SHOUT
SHARE
IT

- Джордж Гордон Байрон
  - 15 октября 1821
  - 1
  - 2
  - 10
  - 11
  - 14
  - 18
  - 24
  - 25
  - 26
  - 28
  - 34
  - 38
  - 51
  - 52
  - 53
  - 55
  - 56
  - 59
  - 65
  - 66
  - 67
  - 71
  - 72
  - 73
  - 74
  - 79
  - 80
  - 84
  - 85
  - 86
  - 87
  - 88
  - 89
  - 91
  - 96
  - 97
  - 98
  - 99
  - 101
  - 104
  - 105

- 115
- 116
- 120

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

Джордж Гордон Байрон
Из "Разрозненных мыслей"

15 октября 1821

Недавно я принялся размышлять над различными сравнениями, лестными и нелестными, которыми меня награждали в английских и иностранных журналах. Началось с того, что я случайно перелистал один иностранный журнал; я теперь взял себе за правило никогда не искать таких отзывов, но и не пропускать их, если они попадаются случайно.

Итак, за последние девять лет меня или мою поэзию сравнивали — на английском, французском, *немецком* (тут мне требовался переводчик), итальянском и португальском языках — с Руссо — Гете — Юнгом — Аретино Тимоном Афинским — «алебастровым сосудом, светящимся изнутри» — Сатаной Шекспиром — Бонапартом — Тиберием — Эсхилом — Софоклом — Еврипидом Арлекином — Клоуном — Стернгольдом и Гопкинсом[1] — «Комнатой Ужасов» Генрихом VIII — Шенье-Мирабо — Р. Далласом-младшим (школьником) Микеланджело — Рафаэлем — петиметром[2] — Диогеном Чайльд-Гарольдом — Ларой — графом из «Беппо» — Мильтоном — Попом — Драйденом — Бернсом — Сэведжем — Чаттертоном — шекспировским Бироном («Я много слышала о вас, Бирон»[3]) — поэтом Черчиллем — актером Кином-Альфьери и т. д., и т. д., и т. д. Сходство с Альфьери весьма серьезно утверждалось одним итальянцем, знавшим его в молодые годы; разумеется, речь шла только о некоторых чертах наших характеров. Это говорилось не *мне* (мы тогда не были коротко знакомы), а в обществе.

Предмет стольких противоречивых сравнений должен, вероятно, быть не похож ни на одно из упомянутых лиц; но что же он, в таком случае, за человек — это я сказать не берусь, да и никто не возьмется.

Моя мать, когда мне не было еще двадцати лет, уверяла, что я похож на Руссо, то же говорила мадам де Сталь в 1813 году, и нечто подобное можно найти в «Эдинбургском обозрении» в рецензии на IV песнь «Чайльд-Гарольда». Я не вижу никакого сходства: он писал прозой, я — стихами; он был из народа, я — аристократ; он был философом, я — нет; он опубликовал свое первое произведение сорока лет от роду, а я — восемнадцати; его первое сочинение вызвало всеобщее одобрение, мое — наоборот; он женился на своей домоправительнице, а я не смог управиться с женой; он считал весь мир в заговоре против *него*, а мой маленький мир считает, судя по брани, какой меня осыпают в печати и в различных кружках, что я замыслил заговор против всех; он любил ботанику, а я люблю цветы, травы и деревья, но

ничего не смыслю в их родословных; он сочинял музыку, а я знаю в ней лишь то, что улавливаю на слух, и ничего никогда не усваивал путем *изучения*, даже иностранный язык, а все только на слух, на память, наизусть; у него была плохая память, у меня — во всяком случае *была* — отличная (спросите поэта Ходжсона, который сам обладает редкостной памятью и может судить); он писал медленно и тщательно, *я* — быстро и почти без усилий; он не умел ни ездить верхом, ни плавать; не был он и «искусен в фехтовании»;[4] *я* — превосходный пловец и сносный, хотя и не лихой, наездник (после того как в восемнадцать лет сломал ребро во время галопа), и фехтовал я недурно, особенно шотландским палашом; неплохо также боксировал, если сохранял самообладание, что было для меня трудно, но что я всегда стараюсь делать с тех пор, как в 1806 году, в заведении Анджело[5] и Джексона, работая в перчатках, сбил с ног мистера Пэрлинга и повредил ему коленную чашечку; был я также довольно силен в крикете: играл в команде Харроу[6] против Итона в 1805 г. К тому же весь образ жизни Руссо, его национальность, манеры и весь характер настолько отличны от моих, что я не могу понять, что подало повод к сравнению, которое делалось трижды при довольно примечательных обстоятельствах. Я забыл добавить, что он был близорук, а я, наоборот, настолько дальнозорок, что в самом большом театре Болоньи мог разглядеть бюсты и прочесть надписи около сцены из такой дальней и *плохо освещенной ложи*, что никто из моей компании (а это были все люди молодые и зоркие, и некоторые сидели в той же ложе) не мог разобрать ни одной буквы и все решили, что я их дурачу, хотя я был в этом театре впервые.

В общем я считаю, что сравнение ни на чем не основано. Я говорю это без всякой досады, ибо Руссо был великий человек, и сравнение было бы достаточно лестным; но мне не хочется льстить себе пустыми химерами.

1

Когда я встретил старого оратора Куртнэ[7] у поэта Роджерса в 1811–1812 гг., мне очень понравились величавые руины некогда статной фигуры и беседа, еще полная остроты. Это *он* в английском парламенте заставил умолкнуть Флода, уничтожающим замечанием оборвав этого ирландского соперника Граттана. Я спросил Куртнэ (ибо люблю выяснять мотивы человеческих поступков), не было ли у *него* личных счетов с Флодом; желчность его ответа заставила меня это предположить. Куртнэ ответил: «да, были; однажды в Ирландии (он сам ирландец), в ирландской Палате Общин Флод позволил себе несправедливый личный выпад против него, а он, не будучи членом палаты, не мог защищаться, и когда, несколько лет спустя, в английском парламенте ему представилась возможность отплатить обидчику, он не мог удержаться». И он отплатил Флоду с лихвою; после этого Флод всего раз или два выступил с речью в английской Палате Общин и не занял там сколько-нибудь заметного места. Должен, впрочем, сделать исключение для его речи о Реформе в 1790 г., которую Фоке назвал лучшей из всего «слышанного им по этому вопросу».

2

Когда Фокса спросили, какую из слышанных им речей он считает лучшей, он ответил: «Речь Шеридана о Хастингсе в Палате Общин» (а не в Вестминстер-Холле). На вопрос: что он думает о собственной своей речи по поводу объявления войны, он ответил: «и это тоже чертовски хорошая речь». Слышал от лорда Холланда.

10

Расположение Шеридана ко мне (если только он не дурачил меня; но леди К[аролина] Л[эм] и другие говорили мне, что он высказывал его и до, и после нашего знакомства) основывалось на «Английских бардах и шотландских обозревателях». Он сказал мне, что равнодушен к поэзии (в частности, к моей, не считая этой поэмы), но заключает — из нее и по другим признакам, — что из меня может выйти оратор, если я стану упражняться и посвящу себя парламентской деятельности. Он непрестанно твердил об этом; помню, что мой старый наставник доктор Дрюри думал то же самое, когда я был *мальчиком*, но у меня никогда не было охоты попробовать. Я выступил раз или два, как делают все молодые пэры, в качестве дебюта; но рассеянный образ жизни, застенчивость, высокомерие и необщительность, а, кроме того, краткость пребывания в Англии после совершеннолетия (всего около пяти лет) не позволили мне возобновить эти попытки. В общем дебют мой был таков, что мог бы воодушевить меня, особенно *первая* речь (всего я выступал три-четыре раза), но сразу же вслед за тем вышла моя поэма «Чайльд-Гарольд», и после этого никто уже не вспоминал о моей *прозе*, в том числе и я сам; она отошла на задний план, хотя мне иногда кажется, что я *сумел бы* чего-нибудь в ней достичь.

11

О парламенте я вынес впечатление, что члены его не так сильны в ораторском искусстве, как в качестве *слушателей*; в столь многочисленном собрании может быть мало Красноречия (в конце концов, в древности насчитывалось лишь *два* великих оратора, а в наше время, мне думается, их *еще меньше*); но должна быть закваска разума и здравого смысла, позволяющая *знать*, что правильно, хотя бы они и не умели хорошо выразить это.

14

Однажды М. Г. Льюис предложил Шеридану пари. «Я ставлю крупную сумму, мистер Шеридан, ровно столько, сколько вы *мне* задолжали как антрепренер за постановку моего „Призрака в замке“». «Никогда не держу пари на большие суммы, — сказал Шеридан. — Я лучше поставлю *очень маленькую*: ровно столько, сколько пьеса стоит!»

18

Как-то Льюис сказал мне: «Почему вы говорите с венецианцами на венецианском диалекте (я говорил как умел и, вероятно, не очень блестяще), а не на обычном итальянском?» Я ответил, что это отчасти привычка, отчасти желание быть лучше понятым. «Может быть оно и так, — сказал Льюис, — но по мне это все равно, что обращаться к ирландцам с *ирландским акцентом*».

24

Кэррен! Вот человек, который более всего поразил меня. Что за воображение! Я никогда не встречал ничего подобного.

Его *опубликованная* биография и напечатанные речи не дают *никакого* представления об этой личности — ни малейшего. Это настоящая машина Воображения, подобно тому как Пирона[8] кто-то назвал «машиной для эпиграмм».

Я недолго встречался с Кэрреном — только в 1813 г., но встречал его и дома (он приходил ко мне), и в обществе — у Макинтоша, в Холланд-Хаузе и пр., и пр., и он поражал даже меня, видевшего в свое время множество замечательных людей.

25

Несколько месяцев назад ко мне приходил молодой американец по фамилии Кулидж[9] — он умен, очень красив и на вид не старше двадцати лет. Несколько романтичен, но к юности это идет, и большой любитель поэзии, как можно заключить из того, что он пробрался в мою берлогу. Он привез мне привет от старого слуги нашей семьи (Джо Меррея) и сообщил, что *он*, Кулидж, купил в Риме у Торвальдсена[10] копию моего бюста, которую хочет отправить в Америку. Признаюсь, что я был больше польщен юношеской восторженностью заокеанского посетителя, чем если бы мне решили воздвигнуть статую в парижском Пантеоне (еще на моей памяти императоров и демагогов сбрасывали с пьедесталов, а имя Граттана стерли с таблички на дублинской улице, названной в его честь); так вот, я был больше польщен этим потому, что это было выражением *личного*, а не *политического* интереса — просто чистым и теплым чувством юноши к полюбившемуся поэту, без чего-либо корыстного или показного. Вероятно, это стоило дорого. Я не заказал бы Торвальдсену ничьего бюста — кроме Наполеона, или моих детей, или какого-нибудь «нелепого женского пола», по выражению Монкбарнса,[11] или моей сестры. Могут спросить, почему я в таком случае позировал для своего собственного бюста. Отвечу, что сделал это по усиленным просьбам Дж. К. Хобхауза, есквайра, и ни для кого другого. *Портрет* — иное дело, портреты пишут со всех; тогда как бюст кажется претензией на *бессмертную* славу, а не просто чем-то, что мы оставляем на память близким.

26

Одним из наиболее интересных собеседников, каких я знавал, был Скроп Бредмор Дэвис. Хобхауз также очень силен по этой части; но для человека, который может обнаружить свои таланты и в других областях, а не только в беседе, это не столь важно. Скроп был неизменно находчив и часто остроумен, Хобхауз — столь же остроумен, но не всегда так же находчив, потому что более застенчив.

28

Когда Браммель[12] был вынужден уехать во Францию (после истории с беднягой Мейлером, — которого с тех пор прозвали «Дик-Истребитель франтов»[13] — а все вышло из-за денег, долгов и тому подобного), он не знал французского языка и обзавелся грамматикой, чтобы его изучать. Нашего друга Скропа Дэвиса спросили, каковы успехи Браммеля во французском языке; он ответил, что «Браммель, как Наполеон в России, споткнулся на пороге».[14] Я поместил этот каламбур в «Беппо», считая «такую мену честной, а не тайным, постыдным воровством»;[15] потому что Скроп не раз блистал на званых обедах (как сам в этом признавался), повторяя, в качестве своих собственных, некоторые из шуточек, которыми я встречал его утром.

34

Что касается славы (я разумею славу при жизни), то на мою долю ее досталось довольно; — вероятно — нет, даже *наверное* — больше, чем я *заслужил*. Мне не раз пришлось убедиться, в какие отдаленные и неожиданные места проникает иногда имя и производит впечатление. Два года назад (или почти три, так как это было в августе или июле 1819 г.) я получил в Равенне письмо, написанное *английскими* стихами и посланное из *Дронтхейма* в Норвегии каким-то норвежцем, со всеми обычными похвалами и т. д. Оно хранится где-то в моих бумагах. В том же месяце я получил из Гамбурга приглашение в *Голштинию*, помнится, от некоего мистера Якобсена; от него же пришел перевод песни Медоры из «Корсара», сделанный одной вестфальской баронессой (не «Тондер-тон-тронк»[16]), с приложением собственных ее стихов, посвященных моей жене (очень милых, в духе Клопштока[17]), и их прозаического перевода. Поскольку они касались *жены* больше, чем меня, я послал их ей, вместе с письмом мистера Я[кобсена]. Было странно, живя в *Италии*, получить приглашение на *лето* в *Голштинию*, от совершенно незнакомых людей. Письмо было послано в Венецию. Мистер Я[кобсен] писал мне о «диких розах, цветущих летом в Голштинии»; отчего же тогда кимвры и тевтоны покинули свою родину?

Странная вещь жизнь и человек. Если я явлюсь в дом, где живет сейчас моя дочь, передо мной закроют дверь, если только (что вполне возможно) я не собью с ног швейцара; а если бы я тогда (а может быть, и теперь) поехал в Дронтхейм (в глубине Норвегии) или в Голштинию, меня с распростертыми объятиями приняли бы незнакомые иностранцы, связанные со мной одними лишь духовными узами и молвой.

Да, что касается *Славы*, то на мою долю ее досталось довольно; правда, к ней примешивался и другой род превратностей — больше, чем обычно достается литератору из *порядочного общества*; но я считаю, что подобное смешение противоположностей составляет наш общий удел.

Я иногда сомневаюсь в том, что спокойная, безбурная жизнь больше пришлась бы мне по душе; и все же мне случается о ней тосковать. Самые ранние мои мечты (как у большинства мальчишек) были воинственны, но несколько позже я мечтал только об уединении и *любви*, пока не началась, чуть ли не с четырнадцати лет, моя безнадежная любовь к М[эри] Ч[аворт] (хотя и тщательно скрываемая); и это длилось некоторое время.

Тут я вновь почувствовал, что я «один, один, всегда один».[18]

Помню, что в 1804 г. встретился со своей сестрой у генерала Харкорта[19] на Портлэнд-Плейс. Тогда я был *таким*, каким всегда казался ей до того. Когда мы снова встретились в 1805 г., мой нрав до такой степени изменился (как она вспоминала потом), что меня едва можно было узнать. Тогда я не сознавал перемены, но верю этому и могу объяснить причину.

38

Кто-то спросил Шлегеля (Дустеревизела[20] мадам де Сталь), считает ли он *Канову* великим скульптором. «О! — ответил скромный пруссак, — вы бы посмотрели *мой бюст* работы Тика[21]».

51

Удивительно, как скоро мы забываем то, что не находится *постоянно* у нас перед глазами. После года разлуки образ тускнеет, после десяти изглаживается. Без усилия *памяти* мы уже ничего не можем представить себе ясно; правда, *тогда* свет на миг загорается вновь, но, быть может, это Воображение подносит свой факел? Пусть кто-нибудь попытается через *десять* лет вызвать в памяти черты, склад ума, поговорки и привычки своего лучшего друга или любимого героя (т. е. величайшего человека — своего Бонапарта или кого-нибудь еще), и он будет поражен неясностью своих воспоминаний. Я берусь это утверждать, а я всегда считался одаренным хорошей, даже отличной памятью. Исключение составляют наши воспоминания о женщинах; их позабыть нельзя (черт бы их побрал!), как нельзя позабыть другие знаменательные события, вроде «революции», или «чумы», или «вторжения», или «кометы», или «войны», т. е. памятных дат Человечества, которому ниспосылается столько *благословений*, что оно даже не включает их в календарь, как слишком обыденные. Среди календарных дат вы найдете «Великую засуху», «Год, когда замерзла Темза», «Начало Семилетней войны», «Начало А[нглийской] или Ф[ранцузской] или И[спанской] революции», «Землетрясение в Лиссабоне», «Землетрясения в Лиме», «Землетрясения в Калабрии», «Лондонскую чуму», «Константинопольскую чуму», «Моровую язву», «Желтую лихорадку в Филадельфии» и т. д., и т. п., но вы не найдете «обильного урожая», или «роскошного лета», или «длительного мира», или «выгодного соглашения», или «благополучного плавания». Кстати, была война Тридцатилетняя и Семидесятилетняя — а был ли когда-нибудь *Семидесятилетний* или *Тридцатилетний* мир? Да был ли когда-нибудь хоть *однодневный всеобщий мир*, кроме как в Китае, где секрет жалкого счастья и мира нашли в неподвижности и застое? Каковы же причины этого — жестокость или скупость Природы в отношении нас? Или неблагодарность Человечества? Это пусть решают философы. Я к ним не принадлежу.

52

В 1814 г., когда я и Мур должны были обедать у лорда Грея на Портман-сквэр, я достал «Яванскую газету» (посланную мне Мерреем), где обсуждались сравнительные достоинства нашей с ним поэзии. Мне показалось забавным, что мы с Муром собирались мирно разделить трапезу, в то время как в Индийском океане нз-за нас шли раздоры (впрочем, газета была полугодовой давности) и батавские критики заполняли газетные столбцы. Но, должно быть, такова слава.

53

Я обычно не слишком лажу с писателями. Не то чтобы я их не любил, но я никогда не знаю, что им сказать после того, как похвалю их последнее произведение. Разумеется, существует несколько исключений, но это либо люди света, вроде Скотта или Мура либо далекие от него визионеры, вроде Шелли и др.; со средними литераторами я никогда не умел поладить, в особенности с иностранными, которых не терплю. Кроме Джордани[22] (пожалуй, я не сумею назвать никого другого), я не помню никого из них, кого мне хотелось бы увидеть вторично, разве только Меццофанти,[23] это лингвистическое чудо, этого Бриарея[24] частей речи, ходячего полиглота и более того, которому следовало бы жить во времена вавилонского столпотворения, чтобы быть всеобщим переводчиком. Он в самом деле удивителен — и притом очень скромен. Я проверял его на всех языках, на которых знаю хоть одно ругательство (или проклятие, призываемое на головы форейторов, адвокатов, татар, лодочников, матросов, лоцманов, гондольеров, погонщиков мулов и верблюдов, веттурини, почтмейстеров, почтовых лошадей, почтовых станций и всего почтового), и он поразил меня настолько, что я готов был выругаться по-английски.

55

Я иногда сожалею, что не изучал языки с большим старанием. Те, что я знаю, даже классические (латынь и греческий в объеме знаний школьника шестого класса), а также кое-какие познания в новогреческом, армянский и арабский алфавиты, несколько турецких и албанских фраз, ругательств или просьб, итальянский сносно, испанский хуже, французский настолько, что читаю с легкостью, но говорю с трудом — вернее, не говорю — все это приобретено на слух или на глаз, но не настоящим изучением. Подобно Эди Охилтри,[25] я не люблю «утруждать себя работой».

Правда, я рьяно взялся за армянский и арабский, но оба раза, еще не одолев алфавита, я влюблялся в какую-нибудь представительницу «нелепого женского пола», а на Мальте и в Венеции покинул полезное общество ориенталистов ради — ради (неважно, ради чего), хотя мой учитель, отец Паскаль Ошер (для которого я, между прочим, составил большую часть двух грамматик: армянской и английской) уверял меня, — что земной рай «наверняка находился в *Армении*». Я отправился искать его — бог знает куда — но нашел ли? Гм! Изредка находил, да и то лишь на минуту-другую.

Из актеров Кук был самым естественным, Кембл — самым сверхъестественным, Кин — чем-то средним между ними, а миссис Сиддонс одна стоила всех, кого я видел в Англии.

59

Когда в 1815 г. ко мне пришел судебный пристав (мне всякое пришлось повидать), чтобы описать мою движимость (моя особа, как члена Палаты лордов, была неприкосновенна), я по своей привычке полюбопытствовал, какие еще у него имеются исполнительные листы, и он показал мне *один* на *семьдесят тысяч фунтов!* Я спросил далее, нет ли листа на Шеридана. «А-а, Шеридана, сказал он, — да, есть вот это» (тут он вынул свои бумаги и пр.). «Мне, милорд, случалось жить у мистера Шеридана по году; очень любезный джентльмен — знает, как обращаться с нашим братом и т. д., и т. п.». Затем мы перешли к моему собственному делу, которое в то время было для меня не из легких. Но пристав был обходителен и (что я оценил еще больше) общителен. До тех пор я встречал многих его собратьев, но только по делам моих приятелей (из нетитулованных); он был первым (или вторым), кто явился по моему собственному делу. Обходительного человека надо отблагодарить должным образом; быть может, он именно на это и рассчитывал.

65

Однажды, когда мне было пятнадцать лет, мне пришлось в одной из дербиширских пещер плыть в лодке (где можно было поместиться только вдвоем, да и то лежа) под скалой, которая нависает над водой так низко, что перевозчик (подобие Харона) должен толкать лодку, а сам идет за ней, все время нагибаясь. Моей спутницей была М. А. Ч[аворт], в которую я долго был влюблен, не признаваясь в этом, хотя *она* сумела узнать мою тайну. Помню свои ощущения, но описать их не могу — пожалуй, оно и лучше.

БХ Мы ездили тогда компанией: некий мистер В., две его дочери, мистер и миссис Кл[ар]к, мисс М. и *моя* М. А. Ч[аворт]. Увы! Зачем я говорю — *моя?* Наш союз мог бы положить конец вражде, из-за которой пролилась кровь наших предков; он объединил бы обширные и богатые земли; соединил бы сердца, по крайней мере *одно*, и двух людей, подходящих друг другу по годам (она старше меня на два года), и что ж? *Она* вышла за человека много старше ее, была с ним несчастлива и разошлась. Я женился и тоже разошелся, и все же мы не соединились.

В отличие от своих современников, я держусь того мнения, что наше время никак не является периодом расцвета английской поэзии: (Soi — disant[26]) поэтов стало *больше*, а поэзии соответственно *меньше*.

Этот тезис я защищал на протяжении ряда лет, но, как ни странно, не нахожу поддержки у моих собратьев по перу. Даже Мур качает головой и твердо верит, что мы живем в великую эру английской поэзии.

67

Когда я ведал делами театра Д[рюри]-Л[ейн] и состоял в Комитете по управлению им, там скопилось около *пятисот* пьес. Полагая, что среди них должны найтись стоящие, я распорядился ознакомиться с ними и тоже принял в этом участие. Помню, что из тех, которые я прочел сам, не было ни одной сколько-нибудь сносной. Большинство было совершенно немыслимо.

Мэтьюрин[27] был горячо рекомендован мне Вальтером Скоттом, к которому я обратился, во-первых, в надежде, что он что-нибудь напишет для нас сам, а во-вторых, с просьбой указать какого-нибудь молодого (или старого) многообещающего автора, которого мы отчаялись найти. Мэтьюрин прислал своего «Бертрама» и письмо без *обратного адреса*, так что я сперва не мог ему ответить. Когда я наконец обнаружил его местожительство, я послал ему благоприятный ответ и нечто более существенное. Пьеса его имела успех, но меня тогда не было в Англии.

Я обращался и к Колриджу, но у него в то время не было ничего подходящего. Мистер Сотби любезно предложил все свои трагедии, и я связал себя обещанием; несмотря на ряд ссор с членами Комитета, я добился, чтобы «Иван» был принят к постановке; читка состоялась, и роли были распределены. Но увы! в разгар работы, из-за прохладного отношения Кина или чрезмерной горячности автора, Сотби взял свою пьесу обратно.

Сэр Дж. Б. Берджес[28] тоже предложил четыре трагедии и фарс; я убеждал, как мог, и актеров, и Комитет — но они остались непреклонны.

А какие сцены мне пришлось выдерживать! Сколько авторов и авторш, сколько портных, диких ирландцев, жителей Брайтона, Блэкуолла, Чатама, Челтнема, Дублина и Данди мне пришлось принять! И каждому надо было вежливо ответить, каждого прослушать или прочитать. Отец миссис Гловер, шестидесятилетний ирландец, по профессии учитель танцев, пришел просить роль Арчера[29] и для этого надел в мороз шелковые чулки, чтобы показать свои ноги; они были типично ирландские и несомненно недурны для его возраста, а в свое время были еще лучше. Приходила мисс Эмма Такая-то с пьесой под заглавием «Богемский разбойник» или что-то в этом роде. Приходил мистер О'Хиггинс, проживавший тогда в Ричмонде, с ирландской трагедией, где во всяком случае не могли не соблюдаться единства, потому что главный герой был все время прикован за ногу к столбу. Это был дикарь свирепого вида, и

желание смеяться сдерживалось *только* размышлением над возможными последствиями такого веселья.

Я по природе вежлив и учтив и *не* люблю причинять людям боль, когда этого можно избежать; а потому я отсылал их к Дугласу Киннэрду, человеку деловому, который умеет без колебаний сказать «нет», и предоставлял ему вести все подобные переговоры. В начале следующего года я уехал за границу и с тех пор мало что знаю о театральных делах.

В юности у меня находили хорошие актерские способности. Кроме выступлений в «Ораторском клубе Харроу», где я блистал, я имел большой успех в ролях Пенраддока в «Колесе Фортуны»[30] И Тристрама Фикля в фарсе Аллингема[31] «Флюгер», который мы показали три раза (таковы были условия контракта) в Саутвелле в 1806 г. Пролог к нашему любительскому спектаклю был также моего сочинения. Остальные роли были сыграны местными молодыми девицами и юношами, и весь спектакль был отлично принят нашей снисходительной публикой.

72

Поступление в университет было для меня новым и тяжелым переживанием. Во-первых, мне так не хотелось расставаться с Харроу, хотя уже было пора (мне минуло семнадцать лет), что весь последний семестр я тосковал, считая оставшиеся дни. Вначале *я ненавидел* Харроу, но в последние полтора года полюбил его. Во-вторых, мне хотелось поступить в Оксфорд, а не в Кембридж. В-третьих, я был совершенно одинок в новой среде и поэтому подавлен. Нельзя сказать, чтобы мои товарищи были необщительны, напротив — они были остроумны, гостеприимны, знатны, богаты и веселы гораздо более меня. Я вошел в их круг, обедал и ужинал с ними и т. п., но, не знаю почему, сознание, что я уже не мальчик, было одним из самых гнетущих чувств в моей жизни. С того времени я стал почитать себя стариком, а надо сказать, что я не почитаю этот возраст. Я очень быстро прошел все ступени порока, но они мне не нравились; ибо первые мои чувства, хотя и крайне бурные, сосредоточивались на одном объекте и не растрачивались по мелочам. С любым существом или ради него я готов был отречься и удалиться от света; но, несмотря на пылкий темперамент, которым меня наделила природа, я не мог без отвращения предаваться принятому там пошлому разврату. Но именно это отвращение и одиночество моего сердца увлекло меня к излишествам, быть может, более роковым, нежели те, которые так меня отталкивали; ибо я сосредоточивал на одном объекте страсть, которая, будучи поделена между многими, повредила бы мне одному.

73

Люди немало удивлялись меланхолии, которая звучит в моей поэзии. Другие дивятся моей веселости в жизни; помню, что однажды, когда я был в обществе искренне весел и даже блистал, и это было замечено моей женой, я сказал ей: «Вот видишь, Белл, а ведь меня так часто зовут Меланхоликом — и часто совершенно напрасно». Но она ответила: «Нет, Б[айрон], это не так: *в душе* вы самый глубокий меланхолик и часто именно тогда, когда наружно всего более веселитесь».

Если бы я мог подробно объяснить *истинные* причины, усилившие мою, быть может *природную*, склонность к той меланхолии, которая сделала меня притчей во языцех, никто бы уже не удивился; но это невозможно, ибо наделает больших бед. Я не знаю, как живут другие, но не могу себе представить ничего более странного, чем была моя жизнь в молодости. Я написал свои воспоминания, но опустил при этом все действительно *важное* и *значительное*, из уважения к мертвым, к живым и к тем, кому суждено быть и тем и другим.

Мой первый опыт в поэзии относится к 1800 г. Он был внушен мне любовью к моей кузине Маргарет Паркер (дочери младшего и внучке старшего адмирала Паркера), одному из прекраснейших, недолговечных созданий. Свои стихи я давно уж забыл, но ее забыть трудно. Темные глаза, длинные ресницы и чисто греческий овал лица! Мне было тогда лет двенадцать — ей, кажется, на год больше. Она умерла года два спустя[32] в результате падения, которое повредило ей позвоночник и вызвало чахотку. Ее сестра Августа (которую некоторые находили еще прекраснее) умерла от той же болезни; несчастный случай, повлекший за собой смерть Маргарет, произошел с ней, когда она ухаживала за сестрой. Моя сестра говорила мне, что когда она навестила Маргарет незадолго до смерти и случайно упомянула обо мне, у Маргарет сквозь бледность проступил густой румянец; это очень удивило мою сестру, которая в то время жила у своей бабушки, леди Холдернесс, почти не видалась со мной по семейным причинам, не знала о нашей привязанности и не могла понять, отчего мое имя так ее взволновало в такое время. А я, живя то в Харроу, то в деревне, не знал о ее болезни, пока она не умерла.

Несколько лет спустя я попытался сочинить элегию. Получилось очень плохо. Я не помню ничего равного *прозрачной* красоте моей кузины или ее кротости в течение нашей недолгой близости. Она казалась сотканной из радуги — все в ней было красота и неземной покой.

Страсть моя имела обычные следствия: я не мог спать, не мог есть, не находил покоя и, хотя знал, что она разделяет мое чувство, терзался мыслью о том, как долго надо ждать следующей встречи — а расставались мы обычно часов на двенадцать. Я был тогда глупцом — а впрочем, не поумнел и теперь.

80

Страсть проснулась во мне очень рано — так рано, что не многие поверят мне, если я назову тогдашний свой возраст и тогдашние ощущения. В этом, быть может, кроется одна из причин моей ранней меланхолии — я и жить начал чересчур рано.

В моих юношеских стихах выражены чувства, которые могли бы принадлежать человеку по крайней мере на десять лет старше, чем я тогда был; я имею в виду не основательность размышлений, а заключенный в них жизненный опыт. Первые две песни Ч[айльд] Г[арольда] я завершил к двадцати двум годам, а кажется, что они написаны человеком такого возраста, до которого я вряд ли доживу.

84

Года два-три назад я думал посетить одну из Америк — Английскую или Латинскую. Но сведения, полученные из Англии в ответ на мои запросы, отбили у меня охоту. Думаю, что все страны в сущности одинаковы для *чужеземца* (но никак не для коренных *жителей*). Я вспомнил надпись в доме генерала Ладлоу:

***Omne solum forti patria*[33]**

и свободно обосновался в стране, веками пребывающей в рабстве. Но среди рабов *нет* свободы, даже для *господ*, и при виде этого кровь моя вскипает. Иногда мне хотелось бы быть повелителем Африки и немедленно осуществить то, что со временем сделает Уилберфорс, а именно — уничтожить там рабство и увидеть первый праздник Освобождения.

Что касается рабства политического — столь обычного, — то в нем повинен сам человек — если он *хочет* рабства, пусть! А ведь только всего и нужно, что «слово и удар».[34] Смотрите, как освободились Англия, Франция, Испания, Португалия, Америка и Швейцария! Не было случая, чтобы *люди* в результате *долгой* борьбы не одержали победы над реакционным режимом. Тирания подобна тигру: если *первый* прыжок ей не удается, она трусливо пятится и обращается в бегство.

85

Один итальянец (младший из графов Руота) в 1820 г. в письме из Равенны к одному своему другу в Риме пишет обо мне, как нечто весьма лестное, что «в обществе никто не принял бы его за англичанина», хотя все же считает, что в глубине души я англичанин — так я выделяюсь своими манерами. Это в его устах было высшей похвалой, и я ее принял как таковую. Письмо было мне показано в этом году адресатом, графом П[ьетро] Г[амба] или его сестрой.

Мне случалось писать рецензии, «Мансли ревью» поместило некоторые мои статьи. Это было в конце 1811 г.[35] В 1807 г. я рецензировал для журнала «Ежемесячные литературные досуги» чепуху, которую писал тогда Вордсворт. Кроме этого, у меня на совести нет больше анонимных критических статей (насколько я помню), хотя наши главные журналы не раз *предлагали* мне писать рецензии.

87

Как это ни странно, но до восемнадцати лет я не прочел ни одного журнала. Однако в Харроу я был осведомлен во всех современных вопросах, и всем казалось, что это можно почерпнуть только из *журналов*, потому что меня никогда не *выдели* за чтением — вечная праздность, игры и проказы. Дело в том, что я читал за едой и в постели — читал, когда никто не читает; с пяти лет я читал самые разнообразные вещи; журнал просто ни разу мне не *попался*: только поэтому я их и не читал. Но это было именно так. Когда Хантер и Керзон высказали это предположение в Харроу в 1804 г., я рассмешил их, спросив с нелепым удивлением: «А *что такое* обозрение?» Правда, тогда их было не так много. Года три спустя я был уже лучше знаком с ними, но самое первое прочел не раньше 1806–1807 г.

88

В школе (как я уже говорил) я отличался широтой *общих* познаний, но в остальном был ленив; я был способен на героическое кратковременное усилие (вроде тридцати-сорока греческих гекзаметров — их просодия, разумеется, получалась как бог на душу положит), но не на систематический труд. Я проявлял скорее ораторские и военные, чем поэтические способности. Доктор Д[рюри], мой покровитель и ректор нашей школы, уверенно заключал из моей говорливости, бурного темперамента, звучного голоса, увлечения декламацией и игрой на сцене, что я буду оратором. Помню, что моя первая декламация на нашей первой репетиции вызвала у него невольную похвалу (как правило, он был на нее скуп). Мои первые стихи, сочиненные в Харроу (в качестве учебного задания по английскому языку) — перевод хора из эсхилова «Прометея» — были встречены им холодно — ник-то не предполагал, что я могу опуститься до-стихотворства.

89

Оратор и государственный деятель Пиль («в прошедшем, будущем иль настоящем») был моим товарищем по классу, и оба мы были на самой верхушке (выражаясь школьным языком). Мы были с ним в приятельских отношениях, но гораздо ближе я сошелся с его братом. Все мы — наставники и ученики возлагали на Пиля большие надежды и не обманулись в нем. В учении он намного превосходил меня, в декламации и актерском искусстве мы считались равными. Вне школы я вечно попадался в разных проказах, а он — никогда; *в школе* он *всегда* знал урок, а я — редко, но когда звал, то знал не хуже его. В общих познаниях, в истории и пр., мне кажется, я был сильнее его, как и большинства мальчиков моего класса.

91

Школьная дружба была для меня *страстью* (я был страстен во всем), но, кажется, ни разу не оказалась прочной (правда, в некоторых случаях она была прервана смертью). Дружба с лордом Клэром,[36] одна из самых ранних, оказалась наиболее длительной и прерывалась только разлукой. Я до сих пор не могу без волнения слышать имя *«Клэр»* и пишу его с тем же чувством, что и в 1803-1804-1805 гг. ad infinitum.[37]

Бессмертие души представляется мне несомненным, стоит лишь задуматься над деятельностью ума. Эта деятельность непрерывна. Прежде я сомневался, но размышления убедили меня в этом. И как часто эта деятельность независима от тела: во сне, например, пускай бессвязно и безумно, но все же *дух* и духовное начало выражено яснее, чем когда мы бодрствуем. Кто может поручиться, что он не имеет *отдельного*, не слитного с телом существования? Стоики, Эпиктет[38] и Марк Аврелий говорят, что в земной жизни «душа влачит за собой труп»; это, конечно, тяжкая цепь, но всякие цепи, как и вообще все материальное, можно разбить.

Другое дело, насколько будущая жизнь будет индивидуальным существованием, вернее, насколько она будет походить на нашу *нынешнюю*. Но *вечность Духа* представляется столь же несомненной, как бренность тела. Я взялся рассуждать об этом, не оглядываясь на библейское откровение, которое, впрочем, представляется не менее разумным решением вопроса, чем любое другое.

Воскресение *плоти* кажется странным и даже нелепым, разве только в целях наказания: а всякое наказание, имеющее целью *возмездие*, а не *исправление*, с нравственной точки зрения несправедливо. Раз настанет *конец света, какое* исправление или предостережение может заключаться в вечных муках? В этом пункте людские страсти, по-видимому, исказили божественное учение, но вообще все это непостижимо. Напрасно мне говорят, чтобы я *не рассуждал, а верил*. С тем же успехом вы можете приказывать человеку не бодрствовать, а спать. И при этом еще запугивать вечными муками! И всем прочим! Поневоле подумаешь, что *угроза* Ада создает столько же дьяволов, сколько злодеев создают жестокие кодексы бесчеловечного человечества.

Человек рождается с плотскими *страстями*, но и с врожденной, хотя и тайной любовью к Добру, коренящейся в его Духовном начале. Но да поможет бог всем нам! Сейчас человек — сборище атомов, среди которых царит полный разброд.

Материя вечна, она постоянно изменяется, но воспроизводится и, насколько мы в состоянии постичь вечность, она вечна; отчего бы и Духу не быть вечным? Почему бы Духу не действовать во Вселенной и на нее, подобно тому, как часть его одушевляет скопление праха, именуемое Человечеством? Мы видим, как может один человек действовать на себя, на окружающих и на целые толпы. То же Начало, на высшей, более чистой ступени способно, быть может, действовать и на небесные светила и пр., ad infinitum.

Я часто склонялся к материализму в философии, но не мог допустить его в *Христианстве*, которое представляется мне всецело основанным на *душе*. Поэтому христианский материализм Пристли[39] всегда казался мне губительным. Верьте, если хотите, в воскресение плоти, *но не без души*. Неужели Душа, черт возьми, дана нам на этом свете (потому что интеллект, или назовите его как хотите, это и есть Душа), неужели она дана лишь для того, чтобы на том свете мы теряли ее даже ради Материального Бессмертия? Признаюсь, что отдаю предпочтение Духу.

99

В солнечный день я всегда больше склонен к религиозности, точно существует некая связь между внутренним приближением к источнику света и чистоты и тем, что возжигает потайной фонарь нашей вечной жизни.

101

Если бы удалось, как позволяют некоторые данные, доказать, что мир на много тысячелетий старше ветхозаветной хронологии; или, если б можно было разделаться с Адамом, Евой, Змием и Яблоком, чем можно было бы их заменить? И как разрешить основное сомнение? Ведь должно же было быть начало всех вещей, а *когда* и *как* — это уж неважно.

Иногда я думаю, что *Человек* — потомок какого-то более высокого материального существа, уцелевший от иного мира, выродившийся вследствие лишений и борьбы, через Хаос пришедший к некоему соответствию со средой или нечто в этом роде. Недаром лапландцы, эскимосы и др. стоят в своем развитии тем ниже, чем суровее окружающая их природа. Но даже это предполагаемое доадамово творение должно было иметь Начало и *Творца*; ибо нам легче представить себе *Творца*, чем случайное сочетание атомов. Все в мире восходит к какому-то источнику, если даже и течет в Океан.

104

Плутарх[40] в жизнеописании Лисандра[41] цитирует слова Аристотеля: «Великие гении обычно подвержены меланхолии» и приводит в качестве примеров Сократа, Платона и Геркулеса (или Гераклита), а также Лисандра, правда, *не в молодости*; у него она проявилась лишь «на склоне лет». Не знаю, гений я или нет, но так меня называют и друзья и враги во многих странах и на многих языках на протяжении моей, не очень еще долгой, жизни. О моей гениальности я ничего не могу сказать, но о меланхолии должен сказать, что она «возрастает, а надо бы ее уменьшить»[42] — но как?

105

Думаю, что таково большинство людей в глубине души, но только у замечательных людей это бывает замечено. Герцогиня Брольи, когда я заговорил об ошибках умных людей, сказала: «Они не *хуже* других, они только больше на виду, и все их поступки замечаются, особенно те, что снижают их до уровня обыкновенных людей или остальных подымают до них». Этот разговор происходил в 1816 г.

115

Во Флоренции я вновь посетил картинную галерею и пр. Прежние мои впечатления подтвердились, но там было слишком много посетителей, чтобы я мог что-нибудь воспринять. Когда всех нас (человек тридцать — сорок) втиснули в зал камей, в конце галереи, я сказал Р[оджерсу], что «чувствую себя точно в полицейском участке». Я предоставил ему раскланиваться с какими-то знакомыми и прошел дальше один — и только в эти несколько минут смог хоть что-нибудь воспринять из окружавших меня произведений искусства. Я не хочу сказать, что мне помешало бы общество Роджерса, который обладает отличным вкусом и способностью глубоко чувствовать искусство (и того и другого у него гораздо больше, чем у меня — потому что *первого* у меня совсем немного); я имею в виду толпу толкающихся зевак и путешествующих болтунов.

Один храбрый бритт при виде тициановой Венеры сказал женщине, которую держал под руку: «Вот это действительно здорово!» — и напомнил мне трактирщика в «Джозефе Эндрусе», [43] который размышлял о неизбежности смерти, и тоже «до чего верно!» (как отметила трактирщикова жена).

В палаццо Питти я вспомнил, что советует Гольдсмит, чтобы прослыть знатоком, а именно: говорить, что картины лучше удались бы, если бы художник приложил больше стараний, и хвалить работы Пьетро Перуджино.[44]

116

Перечитывал недавно Филдинга. Я слышал, что в Англии много толкуют о распространении радикализма, якобинства и т. д.; — пусть бы перелистали «Джонатана Уайлда Великого».[45] Неравенство состояний и низость верхушки общества нигде не изображены с большей силой, а презрение автора к Завоевателям и тому подобным таково, что живи он *сейчас*, «Курьер» объявил бы его главным Рупором и Агентом революционеров. Однако ж я не помню, чтобы это направление ума Филдинга, видное на каждой его странице, было кем-нибудь замечено.

120

18 мая 1822

Не брался за эти записки несколько месяцев — продолжать ли их? Chi lo sa?[46]

В этом году я написал мало, но за прошлый год — изрядно. *Пять* пьес (из них две еще не опубликованы), несколько песен поэмы и др. С тех пор я начал кое-что еще; но я обескуражен, вернее, возмущен грубыми нападками, которые, как я слышал (ибо я видел лишь немногие из них), участились со всех сторон против меня и моих последних произведений. Впрочем, таким поведением англичане позорят себя больше, чем меня. Странно, но немцы говорят, что в Германии я гораздо популярнее, чем в Англии, а американцы говорили мне то же самое об Америке. Французы тоже издали много переводов (прозаических!), имевших большой успех, но я подозреваю, что *их* благосклонность (если таковая существует) основана на убеждении, что я не питаю любви к Англии и англичанам. Было бы странно, если бы я ее питал; и все же я не желаю им зла.

notes

Примечания

1

Стернгольд и Гопкинс — Томас Стернгольд (ум. 1549 г.) и Джон Гопкинс (ум. 1570) — английские версификаторы псалмов, высмеянные Дж. Драйденом в поэме «Авессалом и Ахитофель» (1682).

2

Щеголем (франц.).

3

«Я много слышала о вас, Бирон» — В. Шекспир. «Тщетные усилия любви», д. V, сц. 2.

4

… *«искусен в фехтовании»*… — В. Шекспир. «Двенадцатая ночь», д. III, сц. 4.

5

Анджело, Генри — известный лондонский учитель фехтования, учивший Байрона фехтовать в Харроу. В 1806 г. он содержал вместе с учителем бокса Джексоном заведение на Бонд-стрит.

6

…играл в команде Харроу… — Имеется в виду матч между Харроу и Итоном 2 августа 1805 г., в котором принял участие Байрон.

7

Куртнэ, Джон (1741–1816) — английский парламентарий. 3 декабря 1783 г., когда ирландец Генри Флод (1732–1791) произнес свою первую речь в Палате общин, Куртнэ подверг его резкой критике.

8

Пирон, Алексис (1689–1773) — французский поэт и драматург.

9

Кулидж — в письме Т. Муру 5 июля 1821 г. Байрон пишет о том, что его посетил Кулидж из Бостона, друг американского писателя-романтика В. Ирвинга, «сочинениями которого я восхищаюсь».

10

Торвальдсен, Бертель (1770–1844) — датский скульптор, представитель классицизма. В письме к Меррею 4 июня 1817 года Байрон пишет: «Торвальдсен сделал в Риме для Хобхауза мой бюст, который считается очень хорошим».

11

Монкбарнс — главный герой романа В. Скотта «Антикварий» (1816).

12

Браммель (Бреммель), Брайен Джордж (1778–1840) — известный лондонский денди.

13

«Дик-Истребитель франтов» — по аналогии с английской народной сказкой «Джек-Истребитель великанов».

14

«Браммель, как Наполеон в России, споткнулся на пороге» — непереводимый каламбур на слове elements (стихии и азбука). Использован в 61-й строфе «Беппо» Байрона.

15

… «такую мену честной, а не тайным, постыдным воровством»… — Байрон. «Преображенный урод», д. 1, сц. 1.

16

«Тондер-тон-тронк». — В семействе вестфальского барона Тундер-тен-тронк начинается действие романа Вольтера «Кандид» (1759).

17

Клопшток, Фридрих Готлиб (1724–1803) — немецкий поэт, один из создателей немецкой национальной лирики.

18

… *«один, один, всегда один».* — С. Т. Колридж. «Песнь о старом моряке», часть IV, строфа 3.

19

Харкорт, Уильям (1742–1830) — английский генерал.

20

Дустерсвизел — герой романа В. Скотта «Антикварий» (1816).

21

Тик, Фридрих (1776–1851) — немецкий скульптор, младший брат писателя Людвига Тика. После поездки в Италию в 1805 г. изваял бюст Шлегеля.

22

Джордани, Пьетро (1774–1848) — итальянский писатель, профессор литературы Болонского университета.

23

Меццофанти, Джузеппе (1774–1849) — профессор Болонского университета, лингвист-полиглот (говорил более чем на 50 языках).

24

Бриарей — в греческой мифологии — гигант с сотней рук и 50 головами.

25

Эди Охилтри — персонаж из романа В. Скотта «Антикварий».

Так называемых (франц.).

27

Мэтьюрин, Чарлз Роберт (1782–1824) — английский писатель, автор романа «Мельмот-скиталец» (1820). Его пьеса «Бертрам» была поставлена в театре Дрюри-Лейн 9 мая 1816 г. по рекомендации Байрона и В. Скотта.

28

Берджес, Джеймс Блэнд (1752–1824) — английский поэт и драматург. В 1816 г. издал свои драмы и представил их на рассмотрение комитета театра Дрюри-Лейн.

29

Арчер — персонаж в пьесе Дж. Фаркера «Военная хитрость».

30

«Колесо Фортуны» (1795) — пьеса Ричарда Камберленда. В роли мизантропа Пенраддока с большим успехом выступал известный артист Дж. Кэмпбелл.

31

Аллингем, Джон (ум. 1810) — английский драматург. Его фарс «Флюгер» был поставлен в театре Дрюри-Лейн в 1805 г.

32

Она умерла два года спустя… — ср. «На смерть кузины автора, дорогой его сердцу» (1802) в «Часах досуга» Байрона.

33

Храбрецу вся земля — родина (лат.).

34

… *«слово и удар»*. — В. Шекспир. «Ромео и Джульетта», Д. III, сц. 1.

35

Это было в конце 1811 г. — Здесь Байрон допускает неточность. В «Ежемесячном обозрении» он опубликовал в 1812 г. (том. 67) рецензию на книгу стихов Уильяма Роберта Спенсера, изданную в 1811 г. и в 1813 г. (том 70), рецензию на поэму В. Г. Айрленда «Забытый гений», изданную в 1812 г.

36

Клэр, Джон Фицгиббон (1792–1851) — школьный товарищ Байрона по Харроу.

37

До бесконечности (лат.).

38

Эпиктет (ок. 50 — ок. 138 н. э.) — греческий философ, один из представителей позднего стоицизма.

39

Пристли, Джозеф (1733–1804) — английский естествоиспытатель и философ-материалист, пытавшийся примирить метафизический материализм с христианством.

40

Плутарх (ок. 46-ок. 127) — древнегреческий писатель, автор «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греческих и римских деятелен.

41

Лисандр — спартанский полководец, захвативший после длительной осады Афины (404 до н. э.).

42

… *«возрастает, а надо бы ее уменьшить»*… — слова Джона Даннинга (1731–1783) в Палате общин в 1780 г. «Сила короны возросла, возрастает, а надо бы ее уменьшить».

43

«Джозеф Эндрус» — роман Г. Филдинга «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса» (1742).

44

Перуджино, Пьетро (1446–1523) — итальянский живописец.

45

«Джонатан Уайлд Великий» — роман Г. Филдинга «История жизни покойного Джонатана Уайлда Великого» (1743).

Кто знает? (итал.).

А. Николюкин